

тулатова къ необозримой области русскаго языка. Какая масса живыхъ русскихъ говоровъ имъ изучена и приведена въ историческую связь; какая масса древнихъ рукописей была имъ прочитана для освѣщенія прошлой жизни русскаго языка. Какъ много новаго нашель его зоркій глазъ, какъ ново было освѣщеніе, которое онъ умѣлъ давать фактамъ. Онъ изучалъ финскіе и др. сосѣдніе языки въ виду ихъ вліянія на русскій и создалъ новое объясненіе образования и переформировки русскихъ нарѣчій. Онъ былъ знатокомъ славянскихъ языковъ и, живо интересуясь первобытной славянской древностью, опредѣлялъ по даннымъ лингвистики и исторіи древнѣйшую родину славянъ въ Европѣ и ихъ передвиженія. Въ древней русской литературѣ его привлекали наиболѣе сложные вопросы; онъ заново изобразилъ исторію русскихъ лѣтописей и далъ въ печати научно возстановленный языкъ и текстъ древнѣйшей лѣтописи, какъ она должна была звучать въ XI-мъ вѣкѣ. Высшая русская школа не переставала питаться плодами его трудовъ и открытій; профессора-филологи популяризировали на кафедрѣ Фортунатова и его ученика—Шахматова.

Особенность научнаго дарованія Шахматова была обусловлена двумя факторами: огромной памятью и огромнымъ научнымъ жаромъ. Процессы мысли протекали у него съ какими-то одушевленіемъ, съ какой-то идейной страстностью. Онъ всегда стремился къ полной картинѣ и привлекалъ къ изслѣдованію такую массу фактовъ одновременно, что чтеніе его работъ всегда представляло большой умственный трудъ и требовало большого вниманія. Ему ставили въ упрекъ, что его изслѣдованіе не походило на стройный полетъ одинокой стрѣлы, что оно все шумѣло безчисленными стрѣлами мысли; что оно бывало полно гипотетическихъ звеньевъ, предположеній; что, возвращаясь къ тѣмъ же вопросамъ, онъ постоянно мѣнялъ детали своихъ взглядовъ, такъ что ученые не успѣвали слѣдить за ними. На все это существуетъ только одинъ отвѣтъ: все это входило въ дарованіе Шахматова.

Послѣ него, путемъ исправленій и упрощеній можно было создать картину болѣе простую и ясную; но предложить картину обширную и сложную могла только научная фантазія и научная эрудиція Шахматова. Что эта сложность, этотъ бурный ураганъ мысли не заключалъ въ себѣ ничего враждебнаго наукѣ, ничего антипедагогическаго, объ этомъ говорить итоги его университетскаго